УДК 340.1 DOI: 10.22394/2074-7306-2017-1-2-21-26

ГОСУДАРСТВО В СТРУКТУРЕ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Супатаев Мурат Абдыкасимович кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора теории права и государства, Институт государства и права Российской Академии наук (121019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10) E-mail: supataev@list.ru

Аннотация

В статье рассматривается место государства в российской цивилизации. Российское государство, указывается в ней, никогда не основывалось на идее государства – нации, как это было свойственно Западу. Устойчивый межэтнический симбиоз, обеспечиваемый государством – одна из характернейших черт цивилизационного устроения общества, от которого Россия не может отойти без утраты своего цивилизационного качества.

Ключевые слова: *империя; цивилизация; центр и периферия государства и цивилизации.*

Сегодня во многих отечественных исследованиях государства последнему дается односторонняя, негативная оценка как исключительно органа репрессивного контроля над «естественными правами» личности, механизма принуждения и насилия над человеком, сковывающего свободу.

«Ведь даже самое демократическое государство, как подчеркивают некоторые исследователи, – это не только сложная система управления, но также – а иногда и прежде всего, механизм принуждения, насилия над человеком: через закон, через подзаконный акт, через волю властителя, нередко дурную, через непреклонность чиновника, легко переходящую в издевательское крючкотворство или произвол. Таким механизмом государство всегда было, есть и будет оставаться до тех пор, пока оно существует как всеобщий институт цивилизации» [1, с. 6].

Но ценностные суждения о роли государства (позитивной или негативной) в истории политической мысли весьма неоднозначны. Одним из ярких примеров тому могут служить взгляды Н. Макиавелли, видевшего в государстве, с одной стороны, воплощение высшей власти, необходимой для наведения порядка и обеспечения безопасности граждан, которые сами по себе неспособны это сделать, а с другой стороны, полагавшего, что государство свободно от всяких моральных ограничений при достижении своих целей и обуздании эгоизма граждан [2]. Сходную роль, как известно, отводил государству в своем «Левиафане» Т. Гобс, усматривавший в государстве основное средство прекращения беспрестанной «войны всех против всех» и поэтому полагавший лучшей формой власти неограниченную (абсолютную) власть [3, с. 52].

Но, как справедливо заметил Л. С. Мамут, проблема аксиологического измерения государства, нравственных оценок его роли как социального института в государствоведении сейчас разработана слабо, едва и приблизительно обозначена. «Чем больше взаимосвязанных элементов, сторон в государстве (соответственно их обозначений) может быть вычленено и вновь точно связано, – подчеркивал он, – тем выше уровень его осознания, тем полнее знание о нем. Делается совершенно ясным также то, что наилучший шанс на создание адекватного образа (истинного понятия) государственности и на установление правильного, конструктивного отношения к

ней способен дать лишь комплекс выверенных, непредвзятых характеристик всех его измерений» [4, с. 4 – 7].

Разумеется, государство везде было орудием ограничения, подавления и насилия и в России степень такого насилия, быть может, была большей, т.к. альтернативой была дестабилизация крайне разнородного общества. При всем том, как указывают исследователи, российское государство не основывалось на идее государства-нации, как это было свойственно Западу, а, напротив, утверждало «многоплеменность» населения, «многообразие вер и языков», и, тем самым, служило не только дополнением, но и внешне, как бы, скрепой или даже заменой цивилизационного устроения, реализуя управление обществом посредством тех политических, административных и силовых методов, которые «недоступны» цивилизационной системе социальной регуляции на основе религиозных, нравственных, эстетических и других норм.

Это, однако, означало не отсутствие цивилизации (как крупной культурно-исторической общности), как это представлялось некоторым критикам, а огромную и особую роль государства в организации жизнедеятельности громадного конгломерата народов и территорий, которые оказались сведенными в единое имперское образование с сильной центральной властью. Последнее определяется некоторыми юристами как особый тип организации государственной суверенной власти и формы государственного устройства.

В государственном устройстве империи, полагают они, «соседствуют и сочетаются принципы унитаризма и федерализма, централизации и децентрализации, автономии и местного самоуправления, конфедерализма и протектората. Кроме административных единиц она включает в себя разностатусные этнополитические образования, находящиеся в различной степени политико-правовой зависимости от имперского центра» [5][*].

Воспользовавшись консолидирующими потенциями православия и даже превзойдя его территориальные и духовные рамки, империя выступала «государственно-правовой оболочкой» существования российской цивилизации.

Таким образом, российское государство (как всякое государство классических цивилизаций) воплощало в себе две ипостаси – этатистскую, в которой проявлялась его, так сказать, «антиобщественная» природа, преследование своих собственных интересов и цивилизационную, связанную с выполнением общественных функций для обеспечения порядка и налаживания мира и условий жизнедеятельности крайне полиэтничного и поликонфессионального общества. На протяжении всей российской истории обе ипостаси или величины оказывались переменными и полиморфными, а государство в своих существенных характеристиках никогда не представало только злом, антиценностью.

Говорить о возможности федеративного устройства в той исторической обстановке было бы, конечно, неправомерно, т. к. не существовало объективных предпосылок для развития более поздних федеративных отношений (внутренне непротиворечивой, целостной социокультурной системы и достаточно развитых хозяйственных взаимосвязей).

Тем не менее, при всех издержках государственного устройства российской империи и заметной тенденции к ее резко отрицательной, крайне экспрессивной

[*] Характерная черта имперского суверенитета, отмечает Н. И. Грачев, заключается в том, что конкретные варианты распределения суверенных полномочий между верховной имперской властью и местными властями существенной разнятся от территории к территории в соответствии с их спецификой и статусов в рамках империи. А основными особенностями осуществления имперского суверенитета являются сохранение за империей всей полноты суверенных прав внешнеполитического характера и непрямой формы властвования по отношению к периферийным образованиям, сохраняющим за собой политический статус, формальную независимость и традиционный образ правления (там же).

оценке как «тюрьмы народов», самодержавно-крепостнической деспотии, мрачной обители тирании и реакции, «воплощения империализма», по Ленину, наконец, она, так или иначе, способствовала в тот период «подключению» разнообразных этнонациональных и региональных общностей к более широкому культурному пространству и через него к общемировой культуре, что, следовательно, не лишало ее позитивного социокультурного смысла. Однако крайняя антиномичность социокультурного организма России усиливала начала державности в дореволюционный период, а в советский – приводила к тоталитаризму. Этот процесс свидетельствовал об актуальности формирования в обществе целостной и органичной культурно-цивилизационной базы, которая в России в достаточной мере, не сложилась.

Еще одна уязвимая черта имперской формы государственного устройства России во многом унаследованной советским государством, состояла в том, что в ее рамках правовое положение отдельных регионов и местных общностей по преимуществу жестко регулировалось. В результате на практике не раз предпринимались шаги, разрушавшие региональную или этническую самобытность, формы межкультурного взаимодействия и коммуникации разных этнических общностей, что вызывало ответную реакцию в виде отторжения, протеста и ненависти.

И сегодня именно в этом направлении идет активный поиск новых идей, принципов и организационных форм, которые утверждая механизмы федеративного государственного устройства и учитывая исторические особенности формирования и развития российской государственности, в то же время способствовали бы культурно-цивилизационной интеграции российского общества. В их основе – новая парадигма региональной развития, межнационального взаимодействия и диалога культур, и, соответственно, новая концепция федерализма, базирующегося в основном на саморазвитии и взаимодействии регионов на базе учета интересов локальных сообществ и возложении ответственности за результаты такого развития на органы власти субъектов федерации, прочно увязанного с реализацией потребностей и интересов местных этносов и способствующего, таким образом, социально-культурной адаптации этих общностей друг к другу и к местной природной среде.

Еще одним важным направлением государственной стратегии развития должна стать разработка такой социальной и культурной политики, которая создавала бы условия для включения в модернизационные преобразования различных этнонациональных общностей, и особенно коренных малочисленных народов Севера, Дальнего Востока и Сибири России, способствовала вовлечению этих этносов в процессы экономического и единого общецивилизационного развития России.

В этой связи одной из чрезвычайно важных задач государственной политики, к пониманию которой сегодня приходят не только исследователи [6], но и хозяйственники и политики [7][*] является задача переноса центра тяжести экономической и социокультурной модернизации страны за Урал.

Вывод о необходимости переноса центра тяжести за Урал вытекает из самой логики внутреннего развития страны с учетом того, насколько остро дают о себе знать неблагоприятные последствия геоэкономических изменений в ее европейской части после распада СССР. Здесь оказались сосредоточенными очаги индустриального развития с устаревшей, нередко милитаризованной, инфраструктурой, а также связанные с ними районы с депрессивными признаками развития; сложившаяся в этой части России структура самодеятельного развития населения является весьма консервативной – ее нелегко изменить даже в условиях интенсивной модернизации. В этой связи необходимо обратить особое внимание на те регионы страны, которые

[*] Так, в своем выступлении на пленарном заседании Восточного экономического форума (ВЭФ) 03.09.2016 г. В. В. Путин подчеркнул, что одним из важнейших общенациональных приоритетов России: «сделать Дальний Восток одним из центров социально-экономического развития нашей страны

способны стать лидерами модернизационного обновления и обеспечить высокие темпы экономического, социального и культурного развития страны.

Рассмотрение этих вопросов, заостряющих интерес к проблемам регионализации в России с учетом ее пространственных размеров, этнической и культурной гетерогенности состава населения выводит нас на проблематику «центра» и «периферии», получившую основательное развитие в трудах Э. Шилза и Ш. Эйзенштадта [8; 9].

Каждое общество, рассматриваемое под макросоциологическим углом, указывал Э. Шилз, может быть представлено как центр и периферия. «Центр состоит из тех институтов (и ролей), которые осуществляют власть, будь то власть экономическая, правительственная, политическая, военная или культурная (в области религии, литературы, образования и т. д.). Периферия же состоит из таких слоев, или секторов общества, которые воспринимают распоряжения и убеждения, вырабатываемые и назначаемые к распространению помимо них». При этом «все общества, имеющие обширную территорию, обычно обладают также и пространственным центром, который является или считается местоположением центральной институциональной или центральной культурной систем» [8, с. 348 – 349].

Содержательная, функциональная и динамическая сущности центра и периферии раскрывают себя по разному в зависимости от того какой аспект их развития изучается.

Так, проблема диады центра и периферии в цивилизационном плане в современной России, может быть связана, например, с анализом причин и следствий нетипичных для большинства федераций, вытекающих из отношений органов власти, олицетворяющих «центр» (федеральные органы государственной власти) с органами власти управленческой «периферии» (органы государственной власти субъектов РФ).

Ситуационный анализ отечественного законодательства и практики взаимоотношений органов власти «центра» и «периферии» в 2000 – 2013гг., а также аналитических материалов, подготовленных в порядке экспертизы для органов власти разных уровней, показал, что в рассматриваемый период федеральный «центр» абсолютно доминировал в сфере законодательства, судебной и исполнительной власти. Выстроенная федеральным «центром» схема сбора и зачисления налогов определяла поступление двух третей от их общего объема в доходную часть бюджета этого «центра». В результате практически вся «периферия» оказалась не в состоянии самостоятельно обеспечивать исполнение своих конституционных обязанностей перед населением и находилась в прямой бюджетно-финансовой зависимости от федерального «центра». При этом возможности влияния «периферии» на принятие решений федерального «центра» крайне ограничены. Из всех законопроектов, подготовленных в субъектах Федерации в порядке законодательной инициативы и направленных в Государственную думу, федеральными законами становились лишь 7 % . Почти такой же была доля самостоятельно установленных региональными органами государственной власти собственных полномочий. Остальные полномочия органов власти субъектов Федерации устанавливал и обязывал исполнять федеральный «центр» [10, с. 59 – 72].

Понятно, что подобного рода ограничение самостоятельности «периферии» и ее воздействия на решения «центра» едва ли способствует культурно-цивилизационной интеграции общества на основе вышеуказанного саморазвития и взаимодействия регионов с учетом интересов локальных сообществ.

В более специфическом ценностно-смысловом аспекте проблематика «центра» и «периферии» предстает как проблематика соотношения государственных и культурно-цивилизационных принципов, обретающих разные способы существования и заметно меняющихся, если государство становится империей или постимперским образованием, следующим традиционному образцу.

Проблематику центра и периферии государства и цивилизации можно трактовать и в плане выделения ядра элитарной профессиональной культуры и народной культуры в рамках ротационного цикла культурных явлений. Такое структурирование культуры каждой цивилизации, вполне коррелирующее с теорией «большой» и «малой» традиций Р. Редфильда и М. Сингера [11, 12], дает возможность избежать сведения культуры, и в том числе политической культуры, к ее высоким уровням, а также показать широкое социальное, политическое, территориальное и временное многообразие культуры той или иной цивилизации.

Как уже указывалось [13, с. 31; 14, с. 19 – 22], ротационный цикл культурных явлений заключается в том, что многие элементы духовной культуры правящих сил или непосредственно заимствуются из народной культуры, или имеют в ней достаточно глубокие корни. Дальнейшая судьба таких элементов центральной элитарной культуры обычно состоит в том, что они перерабатываются на профессиональном уровне сообразно запросам господствующих социальных сил и со временем, теряя свой элитарный, престижный знаковый характер и постепенно по ступенькам социальной лестницы, в конечном счете, вновь становятся элементами периферийной народной культуры.

Разумеется, политические новшества (инновации) входят в систему культуры цивилизации и другими путями, не только путем создания их внутри того или иного общества, но и путем трансферта, т.е. заимствования и передачи элементов культуры по горизонтали, в частности достижений политической культуры более развитых обществ в отсталые (чаще происходящего в элитарной среде) с последующим распространением этих элементов в массы.

Однако эти заимствования и взаимодействия отнюдь не проявляют тенденции к стиранию или исчезновению национальных и цивилизационных оснований государственности. Иными словами, между элитарной профессиональной культурой или так называемой «большой» традицией и «малой» традицией, сливающейся с культурой народных масс, существует взаимосвязь. Они неизменно воздействуют друг на друга.

Теперь уже ясно, что именно с ассиметрией в отношениях центра и периферии, выражавшейся в нарушении ротационного цикла культурной жизни российского социума и отрыве интересов правящих кругов от народной жизни и культурно-цивилизационных особенностей российского общества в немаловажной степени связаны не только низкая индикация легитимности и коммуникативности права на тех или иных этапах исторического развития страны [15], но и малая эффективность государственного управления, власти центра, как фактора динамики российского общества.

В рамках такой интерпретации цивилизационный подход к государству осуществляется как собственно культурологический, что позволяет глубоко исследовать структуру духовных связей, религиозных комплексов, этнического разнообразия в их соотношении с государством.

Эти проблемы в последнее время интенсивно обсуждаются отечественными исследователями и становятся предметом научного анализа со всей очевидностью свидетельствуя о том, что хотя общерегулятивные функции российского государства, как всякого государства, большей частью вводили его в русло цивилизационной регуляции на всем протяжении истории России, государство и его политика, в том числе правовая политика, отнюдь не являются безусловными компонентами цивилизации, а довольно противоречивыми социальным институтами, не во всех проявлениях отвечающий принципам цивилизационной динамики, способными время от времени одерживать верх над культурой, лежащей в основе цивилизации. Кроме того, как показала дискуссия об азиатском способе производства, государство не только воздействует на хозяйственную деятельность, но и неотделимо от хозяй-

ственной системы, является одним из ее компонентов [16, с. 278; 17, с. 307]. С этим связаны особые задачи в подчиненном цивилизационному подходу выявлении государственно-политических факторов в регуляции крупномасштабных обществ, особенно имперских и постимперских образований, а также межгосударственных объединений (ЕС, СНГ и др.).

Литература

1. *Баталов Э. Я.* Политическое – «слишком человеческое» // Полис, 1995. № 5.
2. *Макиавелли Н.* Государь. 2010.
3. *Гобс Т.* Левиафан. М., 2001.
4. *Мамут Л. С.* Государство в ценностном измерении. М., 1998.
5. *Грачев Н. И*. Государственное устройство и суверенитет в современном мире: Вопросы теории и практики Автореф. дисс. д. ю. н. М., 2009 // URL: law.edu>book/book.asp?.bookID=1347472.
6. *Аванесова Г. А.* Государство и власть как факторы культурно-цивилизационной интеграции российского общества: пример Сибири // «Цивилизации и культуры». Вып. 3. Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. М., 1966.
7. // URL: e-news.su/mnenie-i-analitika//…
8. *Шилз Э.* Общество и общества: макросоциологический подход// Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М., 1972.
9. *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999.
10. *Лексин В. Н.* «Центр» и «периферия» в государственном управлении: каналы взаимовлияния// Вопросы государственного и муниципального управления. 2013, № 4.
11. *Redfield R.* The Social Organization of Tradition//Redfield R. Peasant Society and Culture. An Anthropological Approach to Civilization. Chicago, 1956.
12. *Singer M.* When a Great Tradition Modernizes. An Anthropological Aproach to Indian Civilization. L., 1972.
13. *Арутюнов С. А.* Этнографическая наука и изучение культурной динамики // Исследование по общей этнографии. М.,1979.
14. *Арутюнов С. А*. Культурная антропология. М., 2004.
15. *Супатаев М. А.* Проблемы легитимации российского права: традиции и современность // Северо-Кавказский юридический вестник, 2013, № 1.
16. *Ерасов Б. С.* Цивилизации: Универсалии и самобытность.
17. *Ерасов Б.* С. Социальная культурология. М., 1966.

Supataev Murat Abdycasimovich, Candidate of Law, associate professor, the leading scientific employee of sector of the theory of the right and state, Institute of the state and right of the Russian Academy of Sciences (10, Znamenka St., Moscow, 121019, Russian Federation).
E-mail: supataev@list.ru

THE STATE IN THE STRUCTURE OF RUSSIAN CIVILIZATION

Abstract

The author examines the place of the state in Russian civilization. He notes that as distinct from the West, the Russian state has never based on the idea of state-nation. A stable interethnic symbiosis provided be the state is a most characteristic feature of the civilizational structure of society, from which Russia cannot deviate without losing its civilizational quality.
***Key words**: empire; civilization; the center and periphery of the state and civilization*.